

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КРИЗИСЫ И БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО АНАЛИЗА

Е.В. Иванова

Проанализированы общие и принудительно разные свойства и связи между культурой и системой безопасности государства в контексте кризисного развития в западно-европейской философии.

Ключевые слова: кризис; катастрофа; кризис в культуре; цивилизационные кризисы; кризис государства; безопасность государства; кризисные факторы развития; устойчивое состояние культуры и государства; эволюционное развитие.

Понятие “кризис” по этимологическим истокам (греч. – krisis) означает решение (выбор альтернатив), поворотный пункт, исход. Традиционное теоретическое определение связывает кризис с крутым переломом, тяжелым переходным развитием какого-либо процесса, с острым недостатком, нехваткой чего-либо, с угрозой самосохранению народа, государства, культуры.

С началом кризиса западно-европейской культуры (середина XIX в.) формируется художественно-эстетическое сознание. В западной литературе оно было отмечено творчеством Бальзака, Мопассана, в драматургии – произведениями Ибсена, Стриндберга, в живописи такими течения-

ми, как импрессионизм, экспрессионизм, затем кубизм и сюрреализм, а в композиторском искусстве – деятельностью новой венской школы и др.

Признание свидетельства и закономерностей этого кризиса в рамках философского и научного анализа требовало углубленных исследований и тщательного теоретического обоснования. Первыми аналитиками кризисного состояния западного общества и культуры были представители разных направлений социально-гуманитарной мысли, среди которых назовем К. Маркса и Ф. Ницше.

В конце XIX – начале XX в. изучение кризиса буржуазного общества осуществлялось уже

с более широких позиций философского и гуманитарного анализа. Его проявления отчетливо фиксировали аналитики искусства, религии, культуры в целом (Г. Зиммель, А. Вебер, Т. Лессинг и др.). Первая мировая война, затем обширный экономический кризис рубежа 20–30-х гг. и вслед за ним Вторая мировая война позволили убедиться в кризисном характере буржуазного общества не только разным группам аналитиков западных стран, но и широким слоям населения.

В первой половине XX в. теоретики Запада конкретизируют и углубляют анализ кризиса с философских, исторических, общесоциальных позиций, а также в рамках философско-антропологического, этнического, культурологического, цивилизационного подходов. Так, в исследованиях западных авторов в антиномично-конфликтном ключе рассматривается развитие культуры и цивилизации (О. Шпенглер), фиксируется прогрессирующее разложение “европейского человечества” (Й. Хейзинга, Э. Гуссерль), говорится об упадке цивилизации западного христианства (А. Тойнби). П.А. Сорокин, будучи уже в США, создает грандиозную панораму глобального упадка чувственной (т.е. западно-европейской) культуры, полагая, что данная фаза исторической динамики не случайна, а неизбежна, и что вслед за переходным периодом на Западе возникнут новые созидательные силы, которые смогут заложить основы нового типа культуры.

Х. Ортега-и-Гассет глубинную суть западного кризиса усматривает в выходе на первый план исторического развития “человека масс”, “восстания масс”, что заставляет современное государство проводить и осуществлять популистскую неэффективную политику. Р. Гвардини вскрывает связь между политикой и технико-технологической основой современной жизни. Союз власти и техники, по его мнению, ведет к злоупотреблениям политиков и представителей бизнеса, перед чем граждане западных стран оказываются беспомощными. К. Ясперс вообще не склонен сводить кризис западно-европейской культуры к кризису властных структур и государственности. Напротив, государственный кризис, по его мнению, всякий раз свидетельствует о кризисе культуры, о распаде самого человеческого бытия западного общества.

Отметим также тот вектор анализа в западной философско-гуманитарной мысли, который связывает основные причины распада культуры Запада с ослаблением религии, коллективных связей, этно-традиционного образа жизни, национальной культуры в целом. К развитию этого ана-

литического направления причастны представители персоналистского крыла экзистенциализма (Э. Мунье), немецкой философии и социологии (К. Манхейм, Э. Юнгер), католической и протестантской мысли (П. Тейяр де Шарден, П. Тиллих). Ряд западных философов (Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде и др.) обосновали огромное значение роли традиции в сохранении любой культуры и цивилизации. Так, Ю. Эвола выводит происхождение традиции и культурных смыслов не из естественного хода вещей, но из сверхъестественного порядка. По его мнению, причина кризиса западной цивилизации и повышенный уровень физических болезней, невротизма человека техногенной цивилизации в забвении вековой эзотерической мудрости, сакральной традиции.

Указанные выше направления гуманитарной мысли позволили всесторонне исследовать кризис, которым охвачена западноевропейская цивилизация.

Подходы к пониманию устойчивости государства и власти. Проблема устойчивости институционально-государственных структур издавна была в центре внимания общественных аналитиков, философов и политологов. Вместе с тем в эпоху Просвещения затем в эпоху Модерна и Постмодерна, анализировались, во-первых, факторы устойчивости, эффективности и безопасности разных государственных форм правления, во-вторых, процессы перехода от одних форм правления к другим.

В современной философской мысли Западной Европы демократия нередко неразрывно связывается с рационально-прогрессистским вектором сохранения устойчивости государственной формы правления. В свое время тон в трактовке этих вопросов задавали идеи гуманизма, социального прогресса, культурного просветительства, а также уверенность аналитиков в безграничных возможностях человеческого разума изменить к лучшему существование людей. Дань этим представлениям продолжали отдавать общественно-политические движения, познавательные направления Новейшего времени, начиная от либеральной мысли, марксистского видения общественного развития и кончая неолиберальным анализом наших дней.

Многочисленных сторонников рационально-прогрессистского развития общества и государства объединяет неприятие традиционного уклада и религиозных воззрений, а также попытка радикально трансформировать исторические культурные основы жизнедеятельности общества. Вместе с тем защита правомерности

улучшения мира силой научного анализа, экономического расчета (рыночного или рационально-государственного типа), а также признание технического прогресса в качестве ведущей цели общественного развития неизбежно выводят на первый план жизнедеятельности народов и государств техницистскую утилитарно-прагматическую логику, которая ныне в значительной степени расходится с культурными порядками незападных стран, с живыми человеческими связями, с индивидуальным развитием человека. Да и не во всех развитых странах Запада разрыв с традицией осуществляется безболезненно, что позволяет сохранять в них консервативные тенденции, а подчас консервирует или воскрешает радикальные националистические устремления.

В целом XX в. оказался важным периодом для проверки прогрессистских устремлений, рационально-технократических способов государственного строительства. С одной стороны, в этот период вырабатываются и осуществляются грандиозные проекты улучшения общественного переустройства, рожденные в лоне западно-европейской мысли (формирование светского государства, отделенного от религии, построение коммунистического общества, распространение научных представлений и внедрение технико-технологических проектов в разных областях социокультурной практики и т. п.). С другой стороны, в ходе этого столетия человечество сталкивается с чередой обширных кризисных явлений и катастрофических ситуаций, которые порождаются указанными технократическими начинаниями, абсолютизацией либо капиталистических, либо государственно-социалистических принципов решения социальных проблем. Но и в той, и в другой модели общественно-политического устройства принимался классический идеал научного управления обществом, трактуемый в фундаменталистском и физикалистском вариантах. В обоих случаях речь шла об эффективности управления путем рационализации действий властной вертикали. Сама же эффективность понималась как максимальное приближение к заранее поставленной, продуманной цели с помощью минимальных затрат [1, с. 8].

Однако подобный рационально-технократический подход к общественному развитию не смог уберечь человечество XX в. от двух мировых войн и масштабной конфронтации двух социально-экономических систем, что сопровождалось повсюду в мире огромными социальными и гуманитарными издержками. В XX в. данные

парадоксы характеризовали как капиталистическую (западно-европейскую, американскую), так и социалистическую (прежде всего советскую) практику государственного строительства, порождая в их рамках серьезные издержки, кризисы и катастрофы. Осуществленный анализ понимания устойчивого институционально-государственного развития свидетельствует, что традиционные философско-политологические подходы к решению этой проблемы остаются неудовлетворительными, обладают недостаточным прогнозным потенциалом, что подтверждают бурные политические события рубежа XX–XXI вв.

Вместо трактовки культурного развития как неизбежного прогрессивного перехода общества с низшей ступени на более высокую, приходит понимание того, что неравномерность, дискретность, цикличность развития, преодоление критических ситуаций является всеобщей формой организации материи, включая культуру. В системе постнеоклассического знания важное место занимает интерес к *состояниям неустойчивости* крупных систем, их *переходным состояниям*, *кризисным* и *катастрофическим ситуациям*, а также к механизмам самоорганизации таких систем (прежде всего, культуры, общества, государства), которые имеют немало сходных качеств с механизмами самоорганизации космических, геоландшафтных, биологических систем.

В рамках структурно-функционального и синергетического анализа вырабатывается также понимание *состояния устойчивости* социокультурной системы. Длительное устойчивое состояние системы является своеобразным “руслом”, которое определяет ее историческую динамику на конкретном историческом этапе. Такое состояние называется в синергетике *аттрактором*, порождающим ведущие тренды, важнейшие тенденции и яркие проявления эпохи, притягивая к себе все иные траектории развития, аннигилируя несовместимые и согласовывая взаимодополнительные типы изменений.

Устойчивость системы вовсе не означает абсолютного равновесия ее внутренних частей и взаимодействий с внешней средой. Динамическая устойчивость системы относительна, так как развитие всегда прерывно, дискретно, оно проходит систему через кризисы разного масштаба, остроты и происхождения. Важный аспект устойчивости системы связан с ее адаптируемостью к изменениям разного рода.

Дж. Касти считает, что “адаптируемость, по-видимому, можно представить себе как определенную меру способности системы к погло-

щению внешних и внутренних возбуждений, без резко выраженных последствий для ее поведения в установившемся состоянии” [2, с. 141]. Поэтому наиболее благоприятны для культурной эволюции *динамическая устойчивость* общественной системы, т. е. гармоническое равновесие, складывающееся на основе взаимодействия положительных и отрицательных обратных связей, позволяющего системе сохранить свою целостность и системные признаки, с одной стороны, и обеспечивает способность к изменениям и развитию – с другой.

Понимание неустойчивого состояния культурных и государственных систем. Устойчивые эпохи разделяются между собой периодами хаоса, который наступает в масштабной системе в силу того, что предыдущая фаза развития исчерпала свой потенциал и демонстрирует сбой. В обществе начинают нарастать явления деструктивного характера. В такой ситуации представители государственной власти стоят перед необходимостью удержать хаос в определенных рамках, не допуская превышения некоторой планки, за пределами которой *энтропия* (т. е. дезорганизованность, состояние противоположное порядку) может ввести общественный организм в кризисный штопор, переходящий в катастрофу. Все это заставляет их вести поиск того, каким образом хаотические процессы можно перевести в новый порядок при помощи политики и управленческих механизмов.

Вместе с тем крайне сложно (если вообще возможно) удерживать в равновесии управленческими мерами социокультурную систему в целом, в то время когда она исчерпала внутренние потенции к эволюционному, стабильному развитию. В такой ситуации сами государственные учреждения не в состоянии преобразовать к лучшему собственные инструментальные возможности, не увеличивая меру дезорганизации и хаоса. Пройти этот узкий переход между энтропией и новым порядком позволяет расширение количества информации о происходящем и ее использование для оптимизации процессов перехода.

Проблема неустойчивости социокультурных систем оказалась в центре аналитического внимания, прежде всего в виде переходных состояний и фаз социокультурного развития, которые подвергались философскому рассмотрению уже в древности. Известно, что представления о неустойчивых периодах “перемен”, которые могли выражаться в разных явлениях (ослаблении государственной власти, нарушении традицион-

ного образа жизни, гражданских столкновениях, обесценивании одних смыслов и ценностей, замены их новыми и т. д.), существовали уже в Древнем Китае, Древней Индии, Древней Иудее (см. Экклезиаста), а также в Античной культуре (см. тексты Гераклита, Сенеки, Вергилия и др.). В древнем и средневековом мире философы нередко придерживались представлений о культурном и общественном процессе как о круговом или волнообразном движении. Вместе с тем именно в христианской эсхатологии углублялось представление о векторном движении истории от прошлого к настоящему и далее в будущее, в конце которого должно иметь место второе пришествие Христа и конец света.

Начиная с эпохи Возрождения, и особенно в условиях периода Просвещения, западно-европейские философы углубляют представление об исторической динамике как о векторе, не имеющем ни начала, ни конца. При этом содержание истории приобретало эволюционистскую трактовку: исторические изменения в их понимании разворачивались “от прошлого в настоящее к будущему”, от простого к сложному, приобретая для людей характер прогрессивного и все более свободного развития¹.

В XX в. в предчувствии подобной неразрешимости европейская философская мысль постепенно сосредоточивается на проблеме неустойчивого переходного развития, доминирующего, по мнению некоторых исследователей, не только в культурах Запада, но и во всем современном мире. В рамках цивилизационного подхода, системно-функциональных и информационных концепций вырабатываются представления о неизбежности в истории каждого народа периодов неустойчивости, которые наступают как своеобразная реакция национальной культуры на “вызовы времени” (А. Дж. Тойнби). Эти периоды неустойчивости представляют собой “культурный переход”, под которым понимается период времени, в течение которого осуществляется транзит культурной или общественной

¹ В этой связи сошлемся лишь на мысли И. Канта о способности каждого человека “злоупотреблять своей свободой в отношении своих близких” (*Кант И.* Критика способности суждения. СПб., 1995. С. 428) и о позиции И. Г. Фихте, который оценивал свое время, когда за единственную добродетель признается преследование собственной пользы, а единственным пороком оно объявляет упущение своей выгоды...” (*Фихте И. Г.* Соч.: в 2 т. СПб., 1993. Т. 2. С. 388–389).

системы от одного упорядоченного состояния (эпохи, гиперцикла, фазы) к другому¹.

Синергетическое понимание кризиса и катастрофы. Представленное выше понимание кризиса как крутого перелома, тяжелого переходного развития какого-либо процесса, острого недостатка, а также как угрозы самосохранению народа, государства, культуры позволяет утверждать, что кризисы характерны как для отдельных подсистем социокультурного организма, так и для значительного или подавляющего их числа, когда можно говорить о кризисе культурной системы в целом. В исторической практике обширные и длительные кризисы этнонациональной культуры наблюдаются относительно редко. Гораздо чаще можно видеть кризисы в отдельных областях культурной практики конкретного общества, которые на фоне благополучного развития других областей могут быстро преодолеваться, не приводя к негативным результатам. Так, в духовных сферах (искусстве, религии, нравственности) может царить кризисное развитие, в то время как в экономике может складываться ситуация позитивного развития, что выразится в повышении хозяйственной конъюнктуры, распространении инноваций и т. п. Точно так же кризис в государственно-политической и общественной сфере далеко не всегда сопровождается кризисом в остальных культурных сферах – в искусстве, науке, религиозной практике.

В целом феномен *кризиса* в культурной системе или в различных ее подсистемах – яв-

ление более определенное, нежели явление *неустойчивости, переходности*. Кризис выступает как состояние очевидное для основной части населения, многочисленные приметы которого отчетливо наблюдаемы; их можно легко фиксировать по целому ряду неблагоприятных качеств. Часть этих качеств может быть установлена не только через наблюдение людей, но и через статистические показатели, а также через иные процедуры измерения, характерные для социального анализа.

В последней четверти XX в. продвижение в исследовании социокультурных кризисов, связано с адаптацией синергетических представлений к исторической эволюции человека, культуры, общества. Углубляя системно-синергетический подход в понимании кризисных периодов социокультурных систем, обществоведы рассматривают сегодня сущность кризиса цивилизации/культуры как рассогласование подсистем единого социокультурного организма. Кризис создает ситуации с серьезными рисками, общественным напряжением, разрастанием социальной конфликтности, нравственной патологии и, наконец, с возможностью перехода кризиса в катастрофу. Однако кризис, как правило, остается обратимым, и при адекватных мерах он может быть эффективно преодолен.

Литература

1. Дункан У. Джек. Основополагающие идеи в менеджменте / Пер. с англ. М., 1996.
2. Касти Дж. Большие системы: связность, сложность, катастрофы. М., 1982.

¹ В таком ключе анализируют цивилизационное развитие О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, С. Хантингтон, Ф. Бродель, А. М. Шлезинген и др.